

15 февраля —
70 лет
со дня рождения
Героя Советского
Союза
лауреата
Ленинской
премии
Мусы Джалиля

Мин. России 1976, 13 фев. 17

ЕГО ВЫБОР

Мустай
КАРИМ

ВСЕ принадлежит живым, в том числе и посмертная слава героя. Не в утешение от горести утрат, не тщеславия ради тянемся мы к свету той славы. Скорее, она овладевает нами, вызывая в нас глубокое уважение и признательность величию человеческого духа. И, как ни странно, мы подспудно чувствуем даже свою причастность к ней — в прошлом, или настоящем, или в возможном будущем. Ибо человек в одно и то же время и наследник, и создатель наследия. В нем заложены все начала. Потомкам передавались ремесла, шедевры и секреты искусства, плодородные поля и оружие их защиты от врагов. Но есть такие образцы великого незримого наследия как беспредельное мужество и мужественное самопожертвование во имя Родины, верность идеалу и стонческое терпение. Они завещаны нам лучшими сынами и дочерьми челове-

ства, среди которых мы называем и имя Мусы Джалиля. Ему теперь было бы 70 лет. Было бы... Но ему никогда уже не будет больше тридцати восьми. О таких, однако, невозможно думать как о неживых. Есть только рубеж, где обрывается их жизнь и начинается бессмертие. Сквозь смуту и тревоги пяти веков прошла Жанна Д'Арк гордой, девятнадцатилетней; Лермонтов навсегда останется пылким юношей и Льву Толстому лет больше не прибавится. Лишь благодарные живые насчитывают им годы бессмертия.

По этой земле прошло немало бесстрашных героев, из этого мира ушло немало мучеников, растерзанных тиранами и палачами, наша планета родила немало блистательных поэтов, озаривших своим талантом мир. Мусе Джалилю суждено было разделить участь и тех, и других, и третьих. Никогда не перестанет потрясать и восхищать нас душевная сила и крепость этого человека.

День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем — почти целый год стояла перед ним дилемма, поставленная его врагами: какую же нить порвать своими руками — ту ли, которая связывает его с Родиной; или ту, которая связывает его с жизнью. Одну из них он обязан порвать. Он не посягнул на первую ради сохранения второй и погиб. Так поступили бы многие сыны нашего Отечества, хотя куда желанней была бы для бойца гибель на поле боя. Для коммуниста Мусы Джалиля этот выбор был естественным, и он — в человеческих возможностях.

Невероятным кажется другое. Дни, недели, месяцы... — так целый год находясь под занесенным топором палача, Муса Джалиль сумел возвыситься над смертью, смог натянуть и привести в движение все струны своей поэтической души. Благодаря, видимо, нечеловеческим усилиям он весь превратился в поющий орган. Более того, его песни не были жалобами

и воплями замученного узника. Таковыми они легко могли бы стать в устах поэта меньшего масштаба. Они — эти шедевры поэтического искусства — явились голосом нашей правды, утверждающей неизбежность торжества нашего оружия, нашей мысли. Какая сила личности и убежденность ее в необходимости силы советского народа!

Нас иногда занимают довольно наивные вопросы, вроде: если Пушкин не стрелялся бы... Если Маяковский жил бы... Если Гарсиа Лорка бежал бы... Я далек от фатализма, но фанатично верю в могущество и незыблемость человеческого духа. Если этим великим сынам земли суждено было бы повторить жизнь сначала, то в подобных ситуациях, пренебрегая уроками минувшего и собственным опытом, они поступили бы так же, как это сделали однажды. У человеческой жизни, у судьбы вариантов нет. Не могло быть их и у Мусы Джалиля.